

Две повозки, поскрипывая, медленно ползли по заснеженной дороге.

Впереди, управляя крытой повозкой, ехал дядя Чэнь. За ним следовал Дуньцзы, правя простой телегой, доверху гружённой новогодними дарами. В хозяйстве семьи Чэнь был лишь один мул, второго пришлось взять в аренду.

Внутри крытой повозки Ван Ин взял руку Чэнь Цинъяня. Ладонь была тёплой, и он с облегчением понял, что тот не замёрз. Изначально юноша планировал поехать в уездный город только с дядей Чэнем и Дуньцзы, но муж наотрез отказался его отпускать одного и настоял на том, чтобы поехать вместе.

— Такая стужа, а путь неблизкий. Ты только-только оправился от болезни, что если снова заболеешь?

Чэнь Цинъянь крепче сжал его руку.

— Я не могу отпустить тебя одного. Я волнуюсь.

От этих слов на душе у Ван Ина потеплело. В прошлой жизни, кроме дедушки и бабушки, о нём никто никогда не заботился. Он и подумать не мог, что после перерождения рядом с ним появится человек, который будет так о нём беспокоиться.

Их пальцы переплелись. Юноша потёрся плечом о плечо спутника. Кажется, с тех пор как этот парень поправился, он снова подросток. Когда они только поженились, он был выше всего на пару цуней, а теперь, когда они стояли рядом, Чэнь Цинъянь был выше его на полголовы и уже не казался таким хрупким.

— Кстати, на днях я говорил с матушкой о няньли и упомянул твоих родственников по её линии. Спросил, нужно ли им что-нибудь приготовить, но она, кажется, не горит желанием с ними общаться.

— Это долгая история, — заговорил Чэнь Цинъянь. — Она началась ещё до того, как матушка вышла замуж. Семья моей матери, Ли, из уезда Тяньян. В их роду было трое цзюйжэней, так что в тех краях они были весьма известны. Изначально мой дед по материнской линии хотел выдать её замуж не за моего отца, а за четвёртого дядю.

— Что? — изумился Ван Ин.

— Мой отец женился поздно. У него была невеста, но когда пришло время играть свадьбу, её семья внезапно расторгла помолвку. После этого с браком у него не ладилось. Он встречался с четырьмя или пятью девушками, но ни одна не подошла. Так он и дожил до двадцати трёх лет,

а потом умерла моя бабушка, и год траура окончательно отложил все свадебные дела.

Ван Ин кивнул. Теперь понятно, почему дети Чэнь Бяо были старше Чэнь Цинъяня.

— В то время мой четвёртый дядя как раз сдал экзамен на цзюйжэня, и семья моей матери прислала сватов. Мой дед, узнав о таком выгодном предложении, конечно, был вне себя от радости. Он взял с собой отца и четвёртого дядю, чтобы нанести визит. И там мой отец случайно встретил мою мать...

Она — в самом расцвете юности, он — зрелый и надёжный. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Матушка умоляла родителей позволить ей выйти замуж за моего отца, но семья Ли, разумеется, была против. У отца не было ни учёной степени, ни положения, да и разница в возрасте была слишком велика.

Но матушка была непреклонна. Чтобы выйти замуж за отца, она даже решилась на побег. Хотя побег и не удался, их застали вместе, что навредило её репутации. Теперь свадьба стала неизбежной. Семья Ли, учёная и знатная, не могла стерпеть такого позора. Они спешно выдали её замуж, и с тех пор обе семьи разорвали всякие отношения.

— Позже, когда я родился, отец хотел взять матушку и поехать к её родителям, чтобы наладить отношения, но их даже на порог не пустили — выгнали с побоями.

Ван Ин невольно поразился. Кто бы мог подумать, что его свекровь в молодости была такой смелой. Поступок её был неверным, но прошло столько лет, а семья Ли так и не простила её. Какая жестокость.

— Может, и к лучшему, что мы не общаемся, — сказал Чэнь Цинъянь. — После моего позора на экзаменах, узнай об этом дед, он бы счёл это бесчестием и наверняка разорвал бы с нами отношения ещё раз.

— А ты смельчак, уже можешь шутить на эту тему?

— Сам с собой — могу. Но если бы так сказал кто-то другой, мне было бы больно.

— Честно. А в уездный город ехать не боишься? Ведь уездный экзамен проходил как раз в Лунцюане.

— Немного. Но столько времени прошло, наверное, меня уже никто и не помнит.

— Не бойся. Это ведь не твоя вина. Если кто-то посмеет насмеяться над тобой, я ему так врежу, что мало не покажется.

Чэнь Цинъянь усмехнулся и легонько боднул Ван Ина лбом.

— Ух, — юноша потёр лоб. — Сразу видно образованного человека. Даже бодается больше других.

— Ха-ха-ха...

Снаружи дядя Чэнь, услышав весёлый смех молодого господина, и сам невольно улыбнулся. Хорошо всё-таки, что тот женился на гэ'эре.

Путь от городка до уездного центра составлял более ста тридцати ли. В обычное время его можно было бы преодолеть за два с половиной дня, но ехать ночью было небезопасно, а зимой скользкая дорога не позволяла двигаться быстро, так что путь растянулся на три дня.

Как только начало смеркаться, они остановились на ночлег в почтовой станции. Ван Ин впервые оказался в таком месте. Оно совсем не походило на то, что показывают в фильмах, и было куда более убогим, чем он себе представлял.

Выйдя из повозки, он увидел ряд низких глинобитных домишек. У входа висела выцветшая серо-жёлтая вывеска, на которой едва можно было различить два иероглифа — «Почтовая станция».

Дядя Чэнь и Дуныцзы отправились на задний двор, чтобы припарковать повозки и накормить мулов, а Ван Ин и Чэнь Цинъянь вошли внутрь. В помещении царил полумрак, воздух был пропитан запахами вина и еды. К ним тут же подошёл слуга.

— Господа, перекусить или остановиться на ночь?

Ван Ин усмехнулся про себя.

«А вот эта фраза в точности как в кино»

— Мы хотели бы переночевать. Утром рано уедем.

— Будет сделано. Сколько комнат желаете?

— Две.

Слуга взял ключи и повёл их показывать комнаты. Жилые помещения располагались на заднем

дворе и представляли собой такой же ряд низких домишек с соломенными крышами. Видно было, что постройкам уже много лет — дожди размыли стены, оставив на них неровные рытвины.

— Вот эти две комнаты на восточной стороне убраны. Не желаете взглянуть, господа?

Как только дверь открылась, Ван Ина ударил в нос такой едкий запах потных ног, что он отшатнулся. Ну и смрад! Слуга, привыкший к такому, вошёл в комнату и зажёл масляную лампу.

— В комнате есть печь. Если будет холодно, можете взять дров и растопить. Ночь стоит шестьдесят вэней. Ключи нужно сдать до полудня, опоздаете — заплатите ещё за один день.

Цена была невысокой. Юноша отсчитал из кошелька сто двадцать вэней и отдал слуге.

— На кухне есть бесплатная горячая вода. Еду можно заказать в главном зале. Если больше ничего не нужно, я пойду.

— Хорошо.

Как только слуга ушёл, Ван Ин выскочил во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха. Ну и вонь! Похоже, предыдущий постоялец страдал от ужасно потливых ног, и теперь в комнате было невозможно дышать.

Чэнь Циньянь взял ключ и открыл соседнюю комнату. Она была не лучше: кровать и постельное бельё имелись, но судя по засаленному виду, его не меняли уже несколько месяцев. Ван Ин не был чистюлей, но даже его передёрнуло от отвращения. Как же он соскучился по простеньким отелям из прошлой жизни.

Вскоре подошли дядя Чэнь и Дуньцзы. Они решили перенести все вещи с телеги к себе в комнату. На постоялом дворе было много разного люда, и они боялись воров. Ван Ин и Чэнь Циньянь помогли им. Когда всё было устроено, на улице уже стемнело.

Заперев двери, они вчетвером пошли в главный зал ужинать. Еда здесь была баснословно дорогой. Миска обычного овощного танбина стоила десять вэней, мясного — двадцать. А тарелка тушёного мяса стоила целых семьдесят вэней — за эти деньги можно было купить два цзиня хорошего мяса.

Но в дороге юноша не скупился и заказал четыре порции мясного супа с лапшой за восемьдесят вэней. Танбин оказался тем, что в его прошлой жизни называлось лапшой, только нарезанной широкими и толстыми полосками. Сверху её посыпали мясным фаршем. Вкус был так себе, но голод утолить годилось.

После ужина они взяли кувшин горячей воды и рано разошлись по комнатам.

В комнате по-прежнему стоял густой смрад. Ван Ин не выдержал и повязал на нос платок. Чэнь Цинъянь последовал его примеру. Взглянув друг на друга, они расхохотались от собственного нелепого вида.

— И чего смеёшься? — сказал Ван Ин. — К утру мы с тобой так пропитаемся этим запахом, что когда приедем к третьей тётушке, она от этого смрада с ног свалится.

Чэнь Цинъянь смеялся до колик в животе.

— Брат, не смеши меня так.

— Пойдём лучше на наше экспериментальное поле. Поработаем немного, устанем, тогда и спать будем крепче.

— Хорошо.

Заперев дверь, Ван Ин взял Чэнь Цинъяня за руку и мысленно приказал полю открыться. Вспышка белого света — и они уже твёрдо стояли на земле. Чэнь Цинъянь, уже привыкший к этому, не удивился и принялся полоть сорняки.

Через полчаса они устали и присели отдохнуть на краю поля. Ван Ин сорвал два помидора и протянул один мужу.

— В следующий раз, когда поедем куда-нибудь, я возьму с собой посуду. Если проголодаемся, сможем прямо здесь что-нибудь приготовить из местных продуктов.

— Вот это было бы здорово.

Пересаженные персиковые деревья уже зацвели. Лёгкий ветерок осыпал их мелкими лепестками. Они сидели, прислонившись друг к другу, и наслаждались редкими минутами покоя.

— Брат...

— М?

Чэнь Цинъянь потёрся об него плечом. Ван Ин бросил на него косой взгляд и сразу понял, чего хочет этот парень. Он поднял голову и поцеловал его. Муж тут же обхватил его затылок и ответил глубоким поцелуем.

Во рту у обоих был сладкий вкус помидоров, и от этого целоваться было ещё приятнее. Он с озорством принялся посасывать язык Чэнь Цинъяня, не отпуская. Тот в ответ сжал его талию. Тело в его объятиях тут же обмякло, а из горла вырвался сдавленный стон.

«Чёрт, до чего же чувствительное тело!»

Ван Ин мысленно выругал себя, но тут же крепче обнял мужа за шею, практически повиснув на нём.

И как раз в тот момент, когда они были готовы перейти к чему-то большему, картинка перед глазами почернела. Время вышло, и они вернулись в комнату на постоялом дворе. Чэнь Цинъянь хотел было продолжить, но у Ван Ина от вони пропало всякое желание.

— Твою мать! — Чэнь Цинъянь в сердцах ударил по кровати.

Ван Ин, впервые услышав от него ругательство, не смог сдержать смеха.

— Спи уже. Ещё немного, и меня стошнит.

На следующее утро, едва рассвело, Ван Ин сдал ключи, и они поспешили покинуть постоялый двор.

После трёх дней утомительной дороги они наконец прибыли в уезд Лунцюань. Он входил в состав области Цзичжоу и был довольно крупным уездным центром. Расположенный на равнине, город имел удобное сухопутное сообщение, что способствовало развитию торговли.

Сегодня было десятое число двенадцатого месяца, и они попали как раз на большую ярмарку. Множество людей из окрестных деревень съехались сюда, и у городских ворот выстроилась длинная очередь. К тому времени, как подошла их очередь, был уже почти полдень. Дядя Чэнь протянул лигуаню заранее подготовленную деревянную табличку. Это было разрешение на передвижение, действовавшее только в пределах уезда.

Мелкий чиновник взял табличку, взглянул на неё и сделал запись в реестре.

— Что в повозках?

— Ваша милость, там лишь немного зерна, сушёных овощей да дичи с гор. Едем к родне в город, везём няньли.

Услышав это, лигуань поднял голову, встал и обошёл заднюю повозку, после чего бесцеремонно забрал двух диких фазанов.

— Это... — Чэнь Цинъянь возмущённо подался вперёд. Как можно вот так просто отбирать чужое!

Ван Ин остановил его.

— Две птицы — не велика потеря. Не стоит с ними спорить. С чертями лучше не связываться. Если нас не пустят в город, будет только хуже.

Служащий, получив своё, махнул рукой, пропуская их. Дядя Чэнь и Дуньцзы поспешно повели мулов внутрь. Едва въехав в город, юноша заворожено оглядывался по сторонам, поглощённый шумом и суетой торговых рядов.

— Баоцзы! Баоцзы! Мясные баоцзы с тонким тестом и сочной начинкой!

— Танхулу! Кислые, сладкие танхулу!

— Точу ножи, правлю ножницы! Десять вэней за штуку, остро и быстро!

Повсюду стояли ларьки с едой, испускающие клубы белого пара. Уличные торговцы громко зазывали покупателей. На земле сидели нищие, а у обочины сгрудились носильщики в ожидании работы.

Вот такой и должна быть жизнь в древности!

<http://bllate.org/book/15812/1433528>